

РАННИЙ ЖЕЛЕЗНЫЙ ВЕК И СРЕДНЕВЕКОВЬЕ УРАЛО-ИРТЫШСКОГО МЕЖДУРЕЧЬЯ

Ранний железный век и средневековье Урало-Иртышского Междуречья.— Межвузовский сборник.— Изд-е Башкирского ун-та (подготовил Челябинский ун-т), 1987, 160 с.

В сборник включены статьи, посвященные археологии и истории Урало-Иртышского междуречья в раннем железном веке и средневековье. В научный оборот вводятся материалы, полученные археологами в раскопках последних лет. Рассматриваются вопросы материальной культуры и этнической истории древних обществ степных и лесостепных районов одного из крупнейших регионов Евразии.

Редакционная коллегия: *Г. Б. Зданович* (ответственный редактор), *Н. О. Иванова*, *Н. Я. Мерперт*, *А. Д. Таиров*, *М. К. Хабдулина*

М. К. Хабдулина

ПОГРЕБАЛЬНЫЙ ОБРЯД НАСЕЛЕНИЯ РАННЕГО ЖЕЛЕЗНОГО ВЕКА СЕВЕРНОГО КАЗАХСТАНА (VIII — II вв. до н. э.)

Северный Казахстан эпохи железа остается одним из наиболее слабо изученных регионов степей и лесостепей Евразии. Сведения по истории ранних кочевников длительное время ограничивались небольшими работами М. П. Грязнова и К. А. Акишева, выполненными в 50-х годах [1, с. 8—16; 2, с. 3—31]. С 1970 года при СКАЭ-УКАЭ начинает работать отряд по изучению памятников раннего железного века. Были проведены значительные разведочные обследования и раскопан ряд могильников и одиночных курганов на территории Северо-Казахстанской, Кокчетавской и Целиноградской областей [3, с. 69—79; 4, с. 520—521; 5, с. 196—201]. В районе г. Петропавловска отряд раскопал несколько поселений и городищ [6, с. 276—281; 7, с. 444; 8, с. 520].

Настоящая статья отражает результаты многолетних исследований и является первой попыткой систематического описания погребального обряда населения раннего железного века Северного Казахстана. Объем статьи позволяет нам остановиться только на памятниках VIII—II вв. до н. э. Выделение такого хронологического отрезка обусловлено и тем, что в его пределах прослеживается единая линия культурно-исторического развития, в то время как к рубежу эр происходит резкая смена культурных традиций.

К настоящему времени на территории Северного Казахстана зафиксировано более 200 курганных групп и одиночных курганов с общим количеством насыпей 1020 [9]. Ориентируясь на современные размеры, насыпи можно разбить на три группы.

	Диаметр, м	Высота м
Малые	6—12	0,1—0,3
Средние	12—29	0,4—1,4
Крупные	30—80	1,5—4,0

Крупные насыпи составляют примерно 16% от общего количества курганов, и основная их часть находится в северных районах, в пределах Западно-Сибирской низменности. Здесь же

**СРЕДНЕВЕКОВЫЕ ИЗВАЯНИЯ ИЗ СЕМИПАЛАТИНСКОГО
ИСТОРИКО-КРАЕВЕДЧЕСКОГО МУЗЕЯ**

мечены преимущественно у тех групп населения, которые ведут свое происхождение от кыпчаков или близких им племен. Когда-то разрозненные после монгольского завоевания немногочисленные сообщества кыпчаков поддерживали «...сношения с единоплеменниками, жившими в разных местах... и вошедшими в состав других народов», а потомки их надолго сохранили память о былом родстве [22, с. 296]. Поискам следов подобных контактов на основании изучения средневековых памятников с более широкой территории должны быть посвящены дальнейшие исследования в этом направлении.

1. *Чариков А. А.* О локальных особенностях каменных изваяний Прииртышья.— СА, 1979, № 2.
2. *Чариков А. А.* Изобразительные особенности каменных изваяний Казахстана.— СА, 1986, № 1.
3. *Мустафин В. А.* Каменные бабы.— ПТКЛА, Ташкент, 1898.
4. *Кастанье И. А.* Древности Киргизской степи и Оренбургского края.— Тр. ОУАК, Оренбург, 1910, вып. XXII.
5. *Массон М. Е.* О происхождении некоторых каменных надмогильников Южного Туркменистана.— Материалы ЮТАКЭ, Ашхабад, 1949, вып. 1.
6. *Мендикулов М. М.* Ушканские кулуптасы.— Вестник АН КазССР, 1953, № 12.
7. *Шер Я. А.* Каменные изваяния Семиречья. М.— Л.: Наука, 1961.
8. *Адрианов А. В.* К археологии Западного Алтая.— ИАК, Петроград, 1916, вып. 62.
9. *Кызласов Л. Р.* Памятники поздних кочевников Центрального Казахстана.— Известия АН КазССР, № 408, серия археологическая, Алма-Ата, 1951, вып. 3.
10. *Арсланова Ф. Х., Чариков А. А.* Каменные изваяния Верхнего Прииртышья.— СА, 1974, № 3
11. *Чариков А. А.* Раннесредневековые скульптуры из Восточного Казахстана.— СА, 1976, № 4.
12. *Чариков А. А.* Каменные скульптуры средневековых кочевников Казахстана.— В кн.: Археологические исследования древнего и средневекового Казахстана. Алма-Ата: Наука, 1980.
13. *Чариков А. А.* Две разновременные группы каменных статуй Приуралья.— В сборнике Башкирского филиала АН СССР (в печати).
14. *Маргулан Элкей.* Улытау төнрегіндегі тас мүсіндер.— В кн.: Ежелгі медениет куәлары. Алматы, 1966.
15. Рассказ торговца Абросимова о поездке его в Хиву.— В кн.: В степях Средней Азии. СПб, 1872.
16. *Касиманов С. К.* Казак халқынын колонері. Алматы: «Казакстан», 1969.
17. *Сухарева О. А.* Древние черты в формах головных уборов народов Средней Азии.— В кн.: Среднеазиатский этнографический сборник № 1. Тр. ИЭ АН СССР, нов. сер., М., 1954, т. XXI.
18. *Захарова И. В., Ходжаева Р. Д.* Казахская национальная одежда. XIX—начало XX века. Алма-Ата: Наука, 1964.
19. *Джанибеков У. Д.* Культура казахского ремесла. Алма-Ата: Онер, 1982.
20. *Чариков А. А.* Новая серия каменных статуй из Семиречья.— В кн.: Средневековые древности евразийских степей. М.: Наука, 1980.
21. *Чариков А. А.* Статуя музыканта XIIв.— СА, 1981, № 2.
22. *Шаниязов К. Ш.* К этнической истории узбекского народа.— Ташкент, 1974.

Прииртышье является одним из наиболее исследованных районов Казахстана в отношении средневековой кочевнической скульптуры. Изваяния на территории Восточно-Казахстанской и Павлодарской областей в основном описаны и интерпретированы А. А. Чариковым [1; 2; 3]. Семипалатинская область в этом отношении изучена слабо.

Целью данной статьи является публикация пяти каменных изваяний из Семипалатинского областного историко-краеведческого музея. Место их находки неизвестно. При их исследовании использована существующая классификация средневековой монументальной скульптуры кочевников по композиционному признаку.

Изваяние 1 (рис. 1,1).¹ Гранит. Размеры 90×45×20 см. Нижняя часть скульптуры отбита. Фигура мужчины. Изваяние выполнено в технике круглой скульптуры с барельефным изображением отдельных деталей. В фас четко дифференцированы объемы торса и головы, шея не профилирована. Вследствие повреждений в области головы фрагментарно сохранились черты лица: высеченные совместно брови и нос, крупные овальные глаза, слегка отвислые усы, а также грубо намеченное левое ухо. Шесть длинных кос, спускающихся на спину, перехвачены у концов зажимами. Показаны треугольные отвороты одежды. Левая рука с тонким браслетом на запястье покоится на оружии, укрепленном на поясе с квадратными бляшками. К поясу справа подвешен округлый каптаргак, слева под углом — кинжал в ножнах с двумя обоймами, без перекрестия. В правой руке кубок, манерно подерживаемый двумя пальцами на уровне живота.

Изваяние 2 (рис. 1,2). Гранит. Размеры 225×38×18...20 см. Расколото в средней части. Фигура мужчины с сосудом в правой руке на уровне груди. Скульптура вписана в исходную форму прямоугольного блока. Верх головы подпрямоугольный, со скругленными углами, передана покатошь лба. Головной и туловищный отделы не обособлены, но различаются степенью детализации и техникой изображения. Лицо передано подробно. Черты лица изображены барельефно. Изящно изогнутые брови выполнены едино с носом. Близко поставленные, соприкасающиеся с носом, преувеличенно большие миндалевидные глаза обрамлены стилизованными веками, удлиняющими внешние уголки глаз. Тонкие, горизонтально расположенные усы, концы которых слегка изогнуты. Щель рта оконтурена валиком губ. Очерченный желобком удлиненный подбородок, вероятно, имитирует бородку.

¹ Привезено с Тарбагатая.

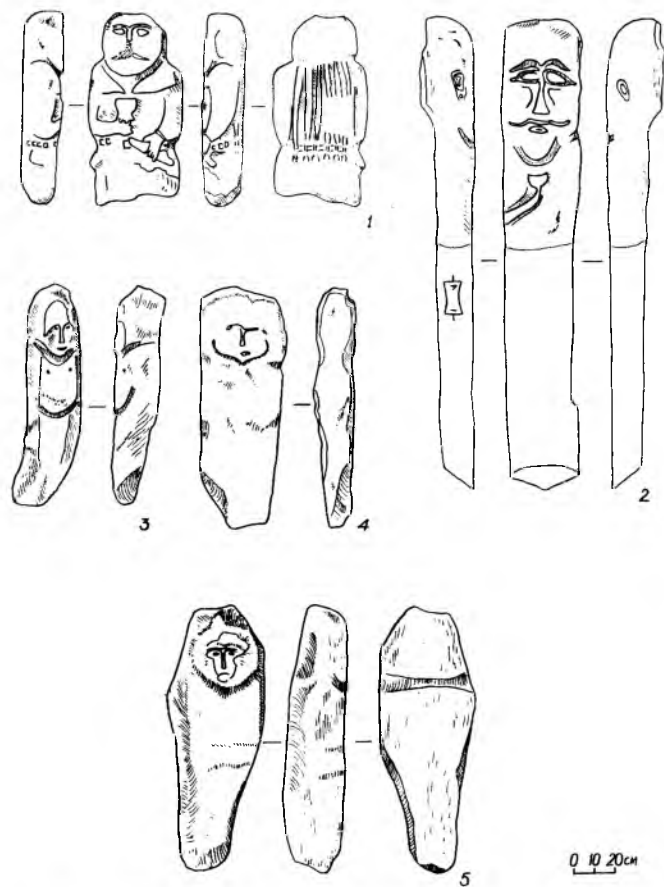

Рис. 1. Изваяния из Семипалатинского областного историко-краеведческого музея

На лице выделяются скулы. На боковых гранях неправильными овалами изображены уши, в правом видна серьга с шаровидной подвеской со стерженьком внизу. На торсе барельефом обозначена беспалая рука, держащая кубок на ножке, на левом боку выгравированы линия пояса и прямоугольный с перехватом посредине каптаргак под нею.

Изваяние 3 (рис. 1,3). Гранит. Размеры $104 \times 27 \times 22$ см. Обобщенно трактованная фигура человека с соединенными на животе руками (?). Скульптор едва подправил естественную форму глыбы, нанеся изображение на одну из широких граней. Техника ваяния — слабо выраженный барельеф, усиленный выемкой, каннелюра. Главное внимание уделено лицу. На плоскости лба внизу выемкой показаны брови с неестественно удлиненными концами. Удлиненный нос выполнен едино с надбровьем. Очень маленькие глаза переданы невыразительными углублениями. Усы стилизованы, изображены как продолжение уголков рта. По форме головы можно предположить наличие головного убора, о конструкции которого судить трудно. Голова отделяется от туловища каннелюрой, продолжающейся на боковых гранях. Каннелюрой намечена линия сложенных на животе рук. На груди статуи две симметрично расположенные крошечные выпуклости.

Изваяние 4 (рис. 1,4). Гранит. Размеры $115 \times 40 \times 20$ см. Изображена только голова. Скульптор ограничился минимумом вмешательства в природную форму монолита. Рельефно выступающее лицо, расположенное посередине верхней части монолита, передано скупыми приемами. Округлые щеки, треугольный подбородок образуют его своеобразные очертания. Барельефом изображены брови, соединенные с носом. Несколько несимметрично расположенный рот дан значительным углублением. Верх головы грубо подправлен. Зарубками с боков на уровне подбородка обозначена граница головы и туловищного отдела. Создается впечатление, что лицо показано в обрамлении головного убора.

Изваяние 5 (рис. 1,5). Гранит. Размеры $124 \times 47 \times 30$ см. Изображена только голова. Глыба, вероятно, тщательно выбиралась, первоначальные формы ее остались почти неизменными. На пояском отделе скульптуры имеется выход кварцевой жилы, возможно, ставший деталью изображения. Голова отграничена от торса фигурной выемкой, верхняя линия которой образует округлые очертания лица, нижняя опускается углом на грудь. Глаза маленькие. Брови и нос переданы барельефно за счет углубления фона вокруг черт лица. Рот с опущенными уголками показан врезанной линией. Не исключено, что трапециевидный верх головы приближенно передает форму головного убора. На спине, примерно по границе головы и торса, прочерчены вершинами навстречу две слабо изогнутые дугообразные линии.

Из числа публикуемых скульптур с большой долей уверенности могут быть атрибутированы только изваяния 1 и 2. Из-

ваяния можно отнести к типичным представителям древнетюркской скульптуры семиреченско-казахстанского региона по следующим признакам: канонической позе; описательности изображения (детализированность), сопровождающейся попыткой преодолеть фронтальность; присутствию устойчивых художественных приемов, каковым является, например, способ изображения слитно прорисованных бровей и носа в сочетании с крупными миндалевидными глазами; применению изобразительных средств, усиливающих эстетическое восприятие скульптуры: на изваянии 1 передана изысканность жеста руки, поддерживающей сосуд, стилизация черт лица изваяния 2 напоминает орнамент; обращает на себя внимание подчеркивание монголоидного выступающего скелета при одновременном показе крупных глаз.

На изваяниях представлен типичный набор реалий¹, не позволяющий конкретизировать их дату в рамках периода бытования древнетюркской скульптуры семиреченско-казахстанского региона VI—VIII вв. н. э. [4, с. 44; 5, с. 181].

Датировка и культурное определение изваяний 3, 4, 5 затруднительны.

Если отождествлять дугообразную каннелюру на торсе изваяния 3 с линией соединенных рук, возможно отнести эту статую к средневековой кимако-кипчакской скульптуре (тип 2), бытовавшей в IX—XII вв.² на территории Семиречья и Казахстана [3, с. 136—137; 5, с. 181].

Каменным изваяниям кимако-кипчакского периода свойственны предельная обобщенность, нерасчлененность форм, фронтальность. На большинстве известных нам статуй прослеживается более или менее единый принцип изображения черт лица: естественно изогнутые либо с неестественно удлиненными концами брови высечены в едином рельефе с носом, маленькие глаза часто показаны углублениями, рот нередко открыт. Обычно статуи «бесполоы». Скупость информации, передаваемой изобразительным языком, может свидетельствовать о неопосредованном восприятии скульптуры.

Особо сложной представляется атрибуция изваяний 4 и 5.

Изваяния в виде скульптурного изображения одной лишь головы человека бытовали в Семиречье, Казахстане, Южной Сибири и Монголии [6, с. 45—46] в течение длительного времени. На погрудных статуях в нескольких случаях черты лица передаются обоими вышеописанными приемами, выделенными нами для древнетюркской и кимако-кипчакской семиреченско-казахстанской скульптуры.

Располагая непаспортизированным и неординарным мате-

риалом, мы не можем достаточно точно соотнести данные изваяния с одним из указанных периодов. Явно монголоидный облик, зияющий рот изваяния 4 могут свидетельствовать о стилистической близости со статуями кимако-кипчакского периода. Технично-стилистический прием изображения черт лица изваяния 5 находит многочисленные аналогии среди скульптур Южной Сибири и Монголии, преимущественно погрудных.

Несмотря на внешнюю несхожесть, скульптуры 4 и 5 объединяет то, что они «малоэстетичны» на вид. В обоих случаях камень подбирался по форме и подвергался минимальной обработке. Близкий по форме к человеческой фигуре, он мог на этом основании отождествляться синкретическим первобытным сознанием, поэтому не требовалось множества усилий резчика для того, чтобы «освободить» сокрытую в нем сущность.

Изваяния вполне отвечают характеристике традиционной скульптуры, пользуясь терминологией В. Б. Мириманова, не столько антропоморфной, сколько антропосущной [7, с. 45].

Таким образом, статуи из Семипалатинского историко-краеведческого музея представляют основные периоды бытования средневековой кочевнической скульптуры семиреченско-казахстанского ареала и в целом проявляют стилистическое единство с последней. Образ человека в рассмотренных статуях создавался различными средствами, несомненно, выражающими неодинаковую природу изображения.

1. Арсланова Ф. Х., Чариков А. А. Каменные изваяния Верхнего Прииртышья.— СА, 1974, № 3.

2. Чариков А. А. Раннесредневековые скульптуры из Восточного Казахстана.— СА, 1976, № 4.

3. Чариков А. А. Каменные скульптуры средневековых кочевников Прииртышья.— В кн.: Археологические исследования древнего и средневекового Казахстана. Алма-Ата: Наука, 1980.

4. Шер Я. А. Каменные изваяния Семиречья. М.— Л.: Наука, 1966.

5. Чариков А. А. О локальных особенностях каменных изваяний Прииртышья.— СА, 1979, № 2.

6. Кубарев В. Д. Древнетюркские изваяния Алтая. Новосибирск: Наука, 1984.

7. Мириманов В. Б. Основные тенденции развития изобразительного искусства эпохи классового образования. (К ретроспективной реконструкции истории искусства народов Тропической Африки).— Советское искусствознание' 79. М.: Советский художник, 1980, вып. 1.

Э. Р. Усманова

НОВЫЕ МАТЕРИАЛЫ ПО ЭПОХЕ КОЧЕВНИКОВ ИЗ ДЖЕЗКАЗГАНСКОЙ ОБЛАСТИ

До последнего времени погребальные памятники эпохи кочевников Улытауского района Джезказганской области остаются слабо изученными. Разведочные изыскания были проведены лишь в 50-е годы А. Х. Маргуланом [1, с. 142—152]. В 1984 г. отрядом Джезказганского областного историко-краеведческого музея,

¹ К сожалению, пока не разработана типология оружия, изображенного на семиреченско-казахстанских изваяниях.

² Мы склонны придерживаться варианта датировки, предложенного А. А. Чариковым, поскольку имеем вещественное подтверждение верхней даты в центрально-казахстанском материале.